

О НЕКОТОРЫХ ОРОКСКИХ (УИЛЬТА) ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ*

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
pevnov@gmail.com

Аннотация. Из тунгусо-маньчжурских народов только ороки (уильта), эвенки и эвены являются оленеводами. С точки зрения исторической фонетики орокская оленеводческая терминология весьма архаична, основную ее часть нельзя считать заимствованной. Что касается заимствованных орокским языком оленеводческих терминов, то некоторые имеют явно эвенское происхождение. Возможно, предки ульчей, ороков и нанайцев первоначально были оленеводами, при этом только ороки ими и остались.

Ключевые слова: оленеводческая терминология, языковые контакты, орокский (уильта) язык, эвенский язык, язык неизвестного происхождения, этимология, заимствование.

On some Orok (Uilta) reindeer husbandry terms

A. M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
pevnov@gmail.com

Abstract. Oroks (Uilta(s)), Evenks, and Evens are the only Manchu-Tungusic peoples who practice(d) reindeer husbandry. In Evenki and Even the word for reindeer is *oron* and *orən* respectively, while in Orok the word for this animal is quite different (*ulā*, the same in Oroch but in that language it is borrowed from Orok). This word probably derives from **ulayar* or **ulayal* (cf. Old Turkic *ulay* 'pack animal'). From the point of view of historical phonetics the Orok

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-50123 а(ф) «Исторические контакты исчезающего орокского языка».

terms of reindeer husbandry are rather archaic, in any case most of them are not borrowed from Evenki or Even. Probably “language ancestors” of Ulchas, Oroks and Nanais were initially reindeer breeders and only Oroks preserved their reindeer husbandry traditions due to insular isolation on Sakhalin. Some Orok terms of reindeer husbandry are of unknown origin (e.g. *jāndu* ‘pasture’, *motoliŋga* ‘hornless reindeer’, *saruka* ‘fence for reindeer’). Four Orok terms of reindeer husbandry are definitely borrowed from the Even language (*jawata* ‘reindeer herd’, *karāw* ‘grey (of reindeer)’, *dupči* ‘male reindeer (5-6 year old)’, *namaŋki* ‘saddle-girth’), dialects of which were located presumably westward of the Lower Amur. Here are some more examples testifying to former contacts between the ancestors of Oroks and the ancestors of Evens: cf. Orok *dō* ‘valley’ and Even *dō* ‘valley, dale’ (in folklore), Orok *ajuŋutči-* ‘to repair’ and Even *ajjur-* ‘to repair’, Orok *bokko* ‘belly’ and Even *bōŋkə* ‘stomach’. So far only one Even word can be regarded as a borrowing from Orok (not in the opposite direction like the above-mentioned words): cf. Even *hultə* (< **sulikta* or **sulukta*) ‘crumbled up fish and dish out of it’ and Orok *sulikta* ~ *sulukta* denoting approximately the same product and dish.

Thus, according to the Orok lexical data, the Orok reindeer breeding is ancient enough and original, not borrowed from Evenks or Evens. Borrowings are also present and they demonstrate complicated ethnic history of Oroks (Uilta(s)) who migrated some centuries ago from the continent to Sakhalin.

Keywords: reindeer husbandry terms, language contacts, the Orok (Uilta) language, the Even language, language of unknown origin, etymology, borrowing.

Из всех народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках, лишь эвенки (не все), эвены (также не все) и ороки занимаются (занимались) оленеводством.

В большей части тунгусо-маньчжурских языков общее название домашнего оленя восходит к **орон*; по-эвенкийски он так и называется, по-эвенски — *орън* (Ол, Алл, Б, М, П, Т¹), *одна* ~ *ор* ~ *орна* (Арм), *оран* (Ох), *орон* (К-О, Ск). Эвенкийское *орон* ‘домашний олень’ было, вероятно, заимствовано в языки тунгусо-маньчжурских народов, не занимающихся оленеводством, ср. нег. *ојон* (Н, В),

¹ Расшифровка сокращенных названий языков и их территориальных вариантов приведена в конце статьи.

уд. *оло* ~ *оро* (Хор), ульч. *оро(н-)*, нан. *орō* (Нх, К-У), ма. *орон буху* 'домашний олень' [ССТМЯ 1977: 24-25]; С. Н. Оненко отмечает долготу гласного второго слога в нанайском названии домашнего оленя: *орō̄* 'домашний олень' [Оненко 1980: 315]). В некоторых тунгусо-маньчжурских языках есть слова, по-видимому, с тем же корнем **оро-* (**орō-*), но со значением 'домашнее, прирученное животное', ср. уд. 'о' 'домашнее животное, домашняя птица; дикое животное или птица, живущие в неволе' (слово приведено по словарю [Шнейдер 1936: 57]; восходит оно к **орокōн*, где **-кōн* выступал диминутивным суффиксом²), ороч. *орокō(н)* 'медвежонок' [Аврорин, Лебедева 1978: 216] (судя по наличию звука *р*, ороческое слово заимствовано из какого-то другого тунгусо-маньчжурского языка; известно, что орочи, подобно ульчам, орокам, нивхам, айнам, а также негидальцам нижнего течения Амгуни выкармливали медвежат в неволе с последующим ритуальным убиением уже взрослых животных [Аврорин, Лебедева 1978: 37]), нан. *орōкā* 'прирученный, ручной птенец или детеныш животного', *орōла-* 'оставлять птенца или детеныша животного для приручения' [Оненко 1980: 315]. Таким образом, этимология тунгусо-маньчжурского слова **орон* 'домашний олень' представляется вполне очевидной — первоначальным значением корня **оро-* (**орō-*) было 'домашнее, прирученное животное'.

Ороки, будучи оленеводами, причем географически изолированными (живут они только на Сахалине), называют домашнего оленя иначе — *ула*³ (так же называется домашний олень и по-орочски, однако орочи не занимаются оленеводством и вряд ли им когда-либо занимались, поэтому они, скорее всего, заимствовали название домашнего оленя у ороков). Во время поездки на Сахалин в 2010 г. в поселке Вал Ногликского района я записал на ороческом языке от И. Я. Федяевой текст, в котором встретился отсутствующий в словарях глагол *ороскондо-* (*оросконда-?*) 'поехать на оленях

² В работе И. В. Кормушина в «форме из записей речи удыхейцев с р. Самарги» обозначена долгота «прерывного гласного»: *ō̄* (в оригинале не', а зеркальное отражение знака ') 'домашнее животное, домашняя птица; дикое животное, дикая птица, живущие в неволе' [Кормушин 1998: 273].

³ Примеры в статье даны в транскрипции, принятой в [ССТМЯ 1975, 1977], однако при этом не указываются варианты фонем, обусловленные действием закона сингармонизма. Если слово приводится по опубликованной работе, то дается транскрипция, принятая в ней.

искать своих оленей'. Корень этого слова несомненно тот же, что и в эвенкийском *орон* или эвенском *орън* 'домашний олень', суффикс *-ндо-* (*-нда-*) имеет значение «идти или ехать с целью совершения действия, обозначенного основой глагола»; сегмент *-ско-* (< **-ксо-*?) остается пока без объяснения.

В относительно недавно опубликованной статье [Ревнов 2016: 55–56] я сравнивал орокское *улā* 'домашний олень' (< **улауар* или **улауал*), в частности, с древнетюркским *улау* 'вьючное животное, верховой конь'. Не отказываясь от этого сравнения, расширю область этимологического поиска и предложу сравнение с эвенским глаголом *улуд-* 'вьючить', который К. А. Новикова производит от *инуд-* 'вьючить' [Новикова 1980: 218], что, по-моему, ошибочно по историко-фонетическим причинам. Эвенский глагол *улуд-* 'вьючить' включает показатель «несовершенного вида» *-д-* ~ *-ǰ-* — таким образом, основой является *улу-*. Ввиду нередуцированного характера гласного второго слога основу *улу-* можно возводить к **улӯ-*, что, в свою очередь, допустимо реконструировать как **улауу-* (ср. эвенское *ал* (< **ала*) 'лямка в оленьей упряжке') и производный от этого слова глагол *алу-* (< **алӯ-* < **ала-уу-*) 'запрягать, впрягать'). Исторический изоморфизм обеих рассматриваемых основ (*улу-*(*-д-*) и *алу-*) позволяет реконструировать для праэвенского состояния существительные **ала-у* 'лямка в оленьей упряжке' (ср. эвенк. *алау* (П-Т, Алд, Е, З, Н, Тнг) 'лямка в оленьей упряжке') и **ула-у* 'вьюк'. Корень последнего (**ула-*) можно сравнить с древнетюркским *ула-* 'связывать, присоединять', от этого глагола образовано древнетюркское существительное *улау* 'вьючное животное, верховой конь', что и фонетически, и семантически довольно близко к орокскому **улауар* (**улауал*) 'домашний олень'. К сожалению, сегмент **-ар* (**-ал*) остается пока без объяснения⁴.

В [ССТМЯ 1977: 263] орок. *ула* 'олень (домашний)' помещено в одну словарную статью («УЛТА орок») с ма. *улха*, *улха уџима* 'парн. скот (вообще), животное (домашнее)'. Уверен, что орокское название домашнего оленя не имеет отношения к самоназванию ороков, однако сравнение ма. *улха* 'скот, домашние животные' (привожу

⁴ Звук *p* (или *l*) в исходе орокского названия домашнего оленя восстанавливается с учетом формы винительного падежа (*улāба*) — алломорф *-ба* присоединяется к словам, некогда имевшим в исходе плавный, напр.: винительный падеж *дубэ* от *дү* 'два' (< **ǰүл* < **ǰүр* < **ǰүр*).

по словарю [Захаров 1875: 160]) с орок. *улā* 'домашний олень' безусловно заслуживает внимания. Можно предложить такое историко-фонетическое обоснование сравнения: ма. *хулха* 'вор' заимствовано из монгольского и соответствует п.-мо. *xulayai* 'вор'; такое соответствие позволяет нам говорить о том, что ма. *улха* 'скот, домашние животные' вполне может восходить к **улауа*, которое отличается от орокского реконструированного названия домашнего оленя (**улауар* ~ **улауал*) лишь отсутствием плавного в исходе слова. Если орокское название домашнего оленя на самом деле происходит от маньчжурского слова, означающего 'скот, домашние животные', то заимствование должно было быть из раннего маньчжурского или из чжурчжэньского, в котором еще не было синкопы (ср. чж. **зулаха* 'сапог(и)' и ма. *зулха* 'сапог(и)'). В свою очередь маньчжурское *улха* 'скот, домашние животные' может быть ранним тюркизмом (ср. др.-тюрк. *улау* (< **улауа*?) 'вьючное животное, верховой конь'). Подтверждением того, что ранние тюркизмы могли проникать в древнеманьчжурский язык, является, например, такое соответствие: ма. *тулу* 'грудь у лошади' и др.-тюрк. *iōš* 'грудь' (*š* < **l* в соответствии с законом ламбдаизма). Если допустить, что орокское название домашнего оленя имеет маньчжурское происхождение, то мы должны признать, что миграция ороков на Сахалин была из региона, находившегося не так далеко от этнической территории маньчжуров.

Что касается других оленеводческих терминов в эвенкийском, эвенском и орокском, т. е. в языках тунгусо-маньчжуроязычных оленеводов, то в основном они имеют общее происхождение. Интересно, что некоторые слова, весьма важные для орокского оленеводства и имеющие надежные соответствия в эвенкийском и эвенском языках, с точки зрения исторической фонетики являются исконно орокскими, не заимствованными ни из эвенкийского, ни из эвенского; приведу примеры:

нōтоно 'олень 4 лет, самец' < **н'ōркōно* < **н'ōуоркōно*, образовано от корневой основы **н'ō-* 'опередить, обогнать' и имеет соответствия в эвенкийском и эвенском языках (в негидальском — заимствование из эвенкийского) (см. [ССТМЯ 1975: 641-642]). Внутренняя форма этого слова позволяет предложить этимологию орокского слова *хаматана* 'олень пяти лет' — оно восходит к **хама-ркāна* (ср. эвен. *амаркана* (Ох) '1) дикий олень (самец 4–5 лет); 2) дикий баран (самец

4–5 лет)'), где корень **хама-* означает 'зад, задний'. От этого же корня **хама-* в тунгусо-маньчжурских языках образован глагол, означающий 'отставать, опаздывать'. Получается, что более молодой олень (4 лет) опережает по возрасту старшего (5 лет), который как бы позади него, отстает от него. Аналогичным образом называли амурские нивхи близнецов: *ырин''а* 'близнец, родившийся первым (букв. «задний зверь» (или «отстающий», «остающийся позади». — А.П.)', *нуг''ин''а* 'близнец, родившийся вторым' (от *нуг''и* 'впереди', *нуг''и-* 'быть первым, передовым, идущим впереди. — А.П.) [Крейнович 1973: 479, 493];

сачиуа 'самка оленя двух лет' < **сачи-кән*, ср. эвенк. *сачарй* (П-Т, Алд, З, Н, Сх, Тк, Тмт, Учр, Хнг, Члм, Чмк, Тит.) 'важенка (самка оленя 1-2 лет)', эвен. *һатти* (Ск) 'важенка (самка домашнего оленя 1-2 лет)'. Ср. также эвен. (Момский район Якутии) *һатти* 'однолетняя самка оленя, не имеющая теленка' [Лебедев 1978: 191];

силма 'недоуздок' < **хилма*; ср. эвенк. *инман*, *инмар* (П-Т, В-Л, Сх, Тит.) 'недоуздок (затылочный ремень, завязки в оленьем недоуздке)', и с эвен. *инмър* (Ол), *инмар* (Ох), *инмор* (Ск) 'недоуздок' [ССТМЯ 1975: 316];

сõндõ 'годовалый олененок (самец)' < **сõнжõ* < **сõнжõ-кõн* < **сõ-рйо-кõн* (букв. 'желтенький' от корня **сõ-* 'желтый'). Типологическим семантическим соответствием, подтверждающим такую этимологию, является ненецкое *таско* 'новорожденный олений теленок', по происхождению связанное с ненецким словом *тасо* 'желтовато-бурый'⁵. Кстати, в английском языке *fawn* означает не только 'олenenок', но и 'желтый, коричневый' (при этом второе значение в английском производно от первого, а в тунгусо-маньчжурских языках и в ненецком было, по-видимому, наоборот — олененка называли по цвету его шерсти (желтый);

сẽпууа 'теленка (домашний олень 1-2 лет)' < **хиану-кән* (*-*кән* представляет собой диминутивный аффикс, ср. **сачи-кән*;

⁵ Возможность семантической параллели с ненецким языком обнаружилась в ходе беседы с А. Ю. Урманчиевой.

**cō-рyо-кōн*); орокское *cēпууа* не заимствовано из эвенкийского или эвенского и вообще не является заимствованием, на что указывают особенности исторической фонетики: начальный *c* в орокском *cēпууа* восходит к среднеязычному *ç* (“ich-Laut”), который, в свою очередь, представляет собой результат палатализации велярного *x* (восходящего к *k^h?*). Ср. эвенк. *ēvkān* ‘1) теленок (домашний олень-бык 2–3 лет); 2) лосенок (одного года)’, эвен. *āvkan* (Ол, Б, П) ‘1) теленок (домашний олень 1–2 лет); 2) ягненок’, *āvkačan* (Ол, Б, П) ‘теленек (дикий олень 1–2 лет)’ [ССТМЯ 1975: 288]. Тунгусо-маньчжурские слова с соответствием *x-* (*c-*) / *ø-* являются весьма древними (см. выше орок. *хаматана*, *силма* (*си...* < **хи...*)), они восходят ко времени формирования ветвей тунгусо-маньчжурского праязыка⁶, поэтому можно думать, что появление тунгусо-маньчжурского оленеводства относится по крайней мере к первому тысячелетию нашей эры (распад тунгусо-маньчжурского праязыка происходил в начале нашей эры).

На мой взгляд, объяснить историко-фонетическую архаичность данных оленеводческих терминов можно лишь допустив, что носители праульскоорокского (не исключая, что и прананайскоульчскоорокского) языка были оленеводами. Часть из них, ставшая впоследствии ульчами, перешла к оседлому образу жизни, передав свой язык местному оседлому населению низовьев Амура. Другая же часть носителей праульскоорокского языка компактно и более или менее одновременно переселилась на Сахалин, где продолжила занятие оленеводством, сочетая его с охотой и рыболовством — потомуки этих переселенцев и есть ороки (ульта, уильта)⁷.

Таким образом, предлагаю считать ороков потомками древних тунгусо-маньчжуроязычных оленеводов, в давнее время разделившихся на две ветви: тунгусскую и приамурскую. Тунгусское оленеводство распространилось на огромной территории: от Большого Хингана до Таймыра и от реки Васюган до Сахалина.

⁷ Типологически сходными примерами передачи оленеводами своего языка аборигенному оседлому населению могут служить арманцы (группа оседлых эвенов недалеко от Магадана, в настоящее время полностью обрусела и забыла свой весьма своеобразный арманский идиом), а также несколько этнографических групп коряков — в частности, паланцы и алюторцы.

Приамурское же оленеводство по причине более или менее близкого соседства с такой богатой рыбой рекой, как Амур, постепенно прекратило свое существование, оставшись только в виде, так сказать, орокского островка на острове Сахалин.

В орокском языке есть оленеводческие термины неизвестного происхождения, например:

јāнду ~ *јāн'ду* 'пастбище' [ССТМЯ 1975: 341];

лиллу 'ремень для привязывания нарты к дереву' [ССТМЯ 1975: 498];

мотолиуга 'комольй, безрогий (об олене)' [ССТМЯ 1975: 547];

нув- 'кормить, подкармливать оленей' [ССТМЯ 1975: 607],

сарука '1) изгородь; 2) загородка для оленей' [ССТМЯ 1977: 67],

хэкэ 'олень-полукровка (помесь домашнего с диким)' [ССТМЯ 1975: 480].

Как было отмечено выше, орокская оленеводческая лексика весьма архаична — во всяком случае с историко-фонетической точки зрения. Что касается инноваций, то имеется несколько слов, заимствованных из эвенского языка, диалекты которого в настоящее время географически существенно дальше от орокского, чем некоторые дальневосточные диалекты эвенкийского (особенно сахалинские). Приведу эти орокско-эвенские параллели в оленеводческой лексике:

1. Орокское слово *јавата* 'стадо домашних оленей' сравнивается с эвенским (Ол) *ѣвта* 'стадо домашних оленей, летнее' [ССТМЯ 1975: 288]. В других тунгусо-маньчжурских языках соответствующие слова отсутствуют (по крайней мере, их нет в словарях). Эвенское *ѣвта* делится на корень и словообразовательный суффикс (*ѣв-та*), что подтверждается наличием других производных от этого корня (*ѣв-чак* '1) пастьба оленей ночью; 2) ночное пастбище; 3) ночные пастухи', *ѣв-чи-* 'пасти оленей ночью') [ССТМЯ 1975: 288]. Словообразование при помощи суффикса *-та* не является живым ни в одном из современных тунгусо-маньчжурских

языков; вероятно, он имел собирательное значение — такой вывод можно сделать на том основании, что суффикс этот по всей видимости выступает вторым компонентом составного показателя *-кта* (> эвен. *-т*) со значением скопления, массы однородных мелких предметов (*-кта* < **-та* < **-ни-та*). Орокское *јавата* ‘стадо домашних оленей’ с точки зрения орокского словообразования является непроизводным, и именно это обстоятельство позволяет с уверенностью говорить о том, что орокское *јавата* заимствовано, причем заимствовано из эвенского языка, в котором соответствующее слово *ǰвта* является, повторю, производным.

На мой взгляд, эвенский корень *ǰв-* представлен в эвенском (Ол) *ǰвкан* ‘1) теленок (домашний олень 1–2 лет; 2) ягненок)’ (*-кан* — диминутивный суффикс). Этому эвенскому слову соответствуют эвенк. *ǰвкǰн*, *ǰвкǰчǰн* ‘1) теленок (домашний олень-бык 2–3 лет); 2) лосенок одного года’, нег. (Н) *ǰвкǰн* ‘теленка (домашний олень до года)’ и орок. *сǰно*, *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’ [ССТМЯ 1975: 288]. Думаю, этот же корень имеет эвенк. *ʷемнан* (Тмт) ‘важенка с прошлогодним теленком’ (слово приведено по [ССТМЯ 1975: 290]); этимология этого слова такова: *ʷемнан* < **ǰв-нан*, где *-нан* — «суффикс, обозначающий самку вместе с детенышем: **сǰннган** теленок (олень) — **сǰннганǰн** важенька с теленком» [Василевич 1958: 778] (как видим, Г. М. Василевич указывает долготу гласного в этом суффиксе).

Получается, что в орокском языке есть два слова с этимологически общим корнем **к^hиану-* ~ **к^hиаву-*, причем одно из них (*сǰно* ~ *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’) является исконным, а другое (*јавата* ‘стадо домашних оленей’) — заимствованным из родственного орокскому эвенского языка. Что касается исконного орокского слова *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’ (в южном диалекте орокского языка есть некоторые отличия: *сеерууа* ~ *сеероо* ‘теленка домашнего оленя одного года’ [Ikegami 1997: 176]), то напомню, что его можно реконструировать следующим образом: **хиану-кǰн* < **к^hиану-кǰн* (где *-кǰн* является показателем диминутива).

2. Орокское слово *карǰв* ‘серый (о масти оленя)’ (*караи* [Ikegami 1997: 96]) сравнивается с эвенскими *карǰв* (К-О, Ск) ‘сивый, темно-серый (о масти оленя)’, *карǰвкан* (Ол, П, М, Ск) ‘серый (кликча оленя)’ [ССТМЯ 1975: 379]. В этой статье «Сравнительного словаря

тунгусо-маньчжурских языков» указаны слова эвенкийского, солонского, негидальского, нанайского и маньчжурского языков. Возможно, все приведенные в словарной статье примеры имеют исторически общий корень, связанный с тюркскими и монгольскими словами, означающими ‘черный’ (во всяком случае так считали составители словаря), однако, на мой взгляд, истинную лексическую параллель представляют собой лишь орокское и эвенское слова (*карāв*), причем с немалой долей вероятности орокский и в данном случае заимствовал из эвенского.

3. Основываясь на данных [ССТМЯ 1975: 276], можно привести изоглоссу, связывающую эвенский язык (*жунт̄ри* (Ол, Алл, Б, П, Т), *жунтури* (Ол) ‘бык-олень домашний (5–6 лет)’; *жунт̄са* (Ол) ‘1) бык-олень дикий (5–6 лет); 2) самец горного барана (5–6 лет)’ с сахалинским эвенкийским (*жунтир̄и* ‘бык-олень 5 лет’) и с орокским (*дунчи* ‘бык-олень (5–6 лет)’). Все эти слова помещены в ССТМЯ в словарную статью «ЖУПТИ повторный». В сахалинском эвенкийском слово *жунтир̄и* ‘бык-олень 5 лет’ явно заимствовано из эвенского. То же можно сказать и об орокском *дунчи* ‘бык-олень (5–6 лет)’, в котором следует отметить депалатализацию начального согласного, что свидетельствует о явно непозднем заимствовании.

4. Орок. *наманки* ‘подпруга у верхового седла’ и эвен. *намь-нук̄* (М, Т), *наманка* (Ох) ‘подпруга’ [ССТМЯ 1975: 580]; есть такое слово также в ольском говоре: *намьнук̄* ‘подпруга’ [Новикова 1980: 194].

Об исторических контактах орокского языка с эвенским свидетельствуют некоторые другие сепаратные лексические изоглоссы. Их не так много, в качестве наиболее показательных примеров приведу следующие:

орок. *ажунутчи-* (<**ажунур-чи-*?) ‘исправить, починить’ и эвен. *ажур-* (Ол, Алл, Б, М, Ох, П) ‘1) исправить, починить, наладить; 2) обновить’ [ССТМЯ 1975: 17–18];

орок. *бокко* ‘живот’ и эвен. *боонкы* ‘желудок’ [Лебедев 1978: 153], *бōңк̄а* ‘брюхо, живот’ [Дуткин 1995: 90], *boŋka*, *bʷoŋka* ‘желудок, брюхо’ [Westlamutische Materialien 1978: 83], *боуко* (Алл, Ск), *боука* (К-О) ‘1) желудок; 2) живот; 3) содержимое

желудка' [ССТМЯ 1975: 94]; надо сказать, что согласно законам орокской исторической фонетики слово *бокко* вполне может восходить к **боуко*, ср. орок. *окко*- 'пастись' и эвенк. *оуко*- 'пастись';

орок. *дб* 'долина' и эвен. (Ол, Ох; фольк.) *дб* '1) долина; 2) теснина; 3) (Ох) река' [ССТМЯ 1975: 210];

орок. *жэлум*- 'красться, пробираться тайком' и эвен. *жэлым*- (Ол) 'красться, пробираться тайком' [ССТМЯ 1975: 284];

орок. *мусиму*- 'усмехаться, улыбаться' и эвен. *мусым*- (Ол, Б, П) 'усмехаться, улыбаться' [ССТМЯ 1975: 561];

орок. *мэлиму* '1) шейный позвонок; 2) черепное отверстие; 3) шея (задняя часть)' и эвен. *мэлимки* (Ох) 'шейный позвонок' [ССТМЯ 1975: 567];

орок. *суликта* ~ *сулукта* '1) мука из сушеной рыбы, порса; 2) название блюда из рыбной муки или растертой юколы и риса' соответствует эвенскому эвен. *хулть* '1) порса (рыбная мука); 2) лепешки (из рыбной муки, смешанной с кетовой икрой)' (привожу слово по работе [Новикова 1980: 229]; *хулть* закономерно восходит или к **суликта*, или к **сулукта*, ср. аналогичное звуковое изменение в эвен. *бость* 'почка, почки' < **боскто*, *имсь* 'сало, жир' < **имуксэ*).

Данные названия рыбной муки и блюда из нее характерны для двух тунгусо-маньчжурских языков — для орокского и для эвенского (в аянском говоре эвенкийского это явное заимствование из эвенского). Поскольку в орокском представлены три продукта словообразования с корнем *сулу*- ~ *сули*- (*суликта* ~ *сулукта* '1) мука из сушеной рыбы, порса; 2) название блюда из рыбной муки или растертой юколы и риса', *сулумбузи*- 'изготавливать муку из сушеной рыбы' и *сулун*- '1) крошить юколу; 2) мешать, перемешивать'), а в эвенском только один (*хулть* и его фонетические варианты), то можно говорить о заимствовании эвенским языком орокского слова. Интересно, что согласно ССТМЯ, рассматриваемое название рыбной муки имеется не только в восточных говорах эвенского языка (в ольском, пенжинском, быстринском, охотском, а также в арманском идиоме), но и в крайне западном — в саккырырском (*хулто*). Это свидетельствует о том, что орокско-эвенские контакты

происходили давно — когда предки эвенов кочевали, по-видимому, к западу от Нижнего Амура и к северу от Среднего Амура. Таким образом, предки эвенов вряд ли бывали на Сахалине, их контакты с предками ороков были на континенте — где-то в весьма обширном регионе бассейнов левых притоков Нижнего и Среднего Амура.

Предложенная локализация орокско-эвенских контактов вполне согласуется с наличием в негидальском немалого количества эвенских особенностей, причем на всех языковых уровнях [Хасанова, Певнов 2003: 285–286]. Вряд ли негидальско-эвенские контакты происходили где-то на севере, в местах современного расселения эвенов: «Вероятно, несколько веков назад этническая территория эвенов простиралась далеко на юг в сравнении с современной» [Хасанова, Певнов 2003: 286]. Вполне возможная локализация негидальско-эвенских контактов — территории к западу от Нижнего Амура, где когда-то, до переселения на Сахалин, скорее всего, и кочевали предки ороков.

Итак, орокское оленеводство, судя по соответствующей лексике, не было заимствовано ни у эвенков, ни у эвенов, оно появилось во всяком случае не позже, чем у этих двух народов. Тем не менее именно с эвенами у ороков были относительно поздние контакты, которые нашли отражение в том числе и в заимствовании орокским языком нескольких эвенских слов, имеющих отношение к оленеводству.

Сокращения (по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV])

Тунгусо-маньчжурские языки:

- ма. — маньчжурский язык
- нан. — нанайский язык
- нег. — негидальский язык
- орок. — орокский язык
- ороч. — ороцкий язык
- уд. — удэгейский язык
- ульч. — ульчский язык
- эвен. — эвенский язык
- эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты негидальского языка:

- В — верхне-амгуньский говор, Н — нижне-амгуньский говор

Территориальные варианты нанайского языка:

Бк — бикинский говор, К-У — кур-урмийский говор, Нх — найхинский говор

Территориальный вариант удэгейского языка:

Хор — хорский говор

Территориальные варианты эвенкийского языка:

Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, В-Л — верхоленский говор южного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тк — токкинский говор восточного наречия, Тмт — томмотский говор восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Хнг — хинганский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия;

К. — материалы М. А. Кастрена, Тит. — материалы Е. И. Титова

Территориальные варианты эвенского языка:

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия

др.-тюрк. — древнетюркский язык

п.-мо. — монгольский письменный язык («письменно-монгольский»)

Литература

- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1958 — Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Дуткин 1995 — Х. И. Дуткин. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.
- Крейнович 1973 — Е. А. Крейнович. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973.

- Лебедев 1978 — В. Д. Лебедев. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Хасанова, Певнов 2003 — М. Хасанова, А. Певнов. Мифы и сказки негидальцев. ELPR Publications Series A2-024. Kyoto, 2003.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1936.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Pevnov 2016 — A. Pevnov. On the Specific Features of Orok as Compared with the Other Tungusic Languages // E. Gruzdeva, J. Janhunen (ed.). Cross-linguistics and Linguistic Crossings in Northeast Asia: Papers on the Languages of Sakhalin and Adjacent Regions. Studia Orientalia 117. Helsinki: Finnish Oriental Society, 2016. P. 47–63.
- Westlamutische Materialien 1978 — Westlamutische Materialien. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.

Источники

- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред.: В. И. Цинциус. Т. II. Л.: Наука, 1977.

References

- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. Orochskiy teksty i slovar [Oroch Texts and Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Dutkin 1995 — Kh. I. Dutkin. Allaikhovskiy govor evenov Yakutii [Allaikha dialect of Evens of Yakutia]. St. Petersburg: Nauka, 1995.
- Evenkiysko-russkiy slovar. Sostavila G. M. Vasilevich. [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1958.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Khasanova, Pevnov 2003 — M. Khasanova, A. Pevnov. Mify i skazki negidaltsev [Myths and Tales of the Negidals]. ELPR Publications Series A2-024. Kyoto, 2003.

- Kreynovich 1973 — Ye. A. Kreynovich. Nivkhgu. Zagadochnyye obitateli Sakhalina i Amura [Nivkhgu. Enigmatic Inhabitants of Sakhalin and Amur]. Moscow: Nauka, 1973.
- Lebedev 1978 — V. D. Lebedev. Yazyk evenov Yakutii [The Language of Evens of Yakutia]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskiy govor [Study of Dialects of the Even Language. Ola Dialect]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Onenko 1980 — S. N. Onenko. Nanaysko-russkiy slovar [Nanai-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1980.
- Pevnov 2016 — A. Pevnov. On the Specific Features of Orok as Compared with the Other Tungusic Languages. E. Gruzdeva, J. Janhunen (ed.). *Crosslinguistics and Linguistic Crossings in Northeast Asia: Papers on the Languages of Sakhalin and Adjacent Regions*. Studia Orientalia 117. Helsinki: Finnish Oriental Society, 2016.
- Shneyder 1936 — Ye. R. Shneyder. Kratkiy udeysko-russkiy slovar [Concise Ude-Russian Dictionary]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo, 1936.
- Westlamutische Materialien 1978 — Westlamutische Materialien. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.

Sources

- SSTMY 1975 — Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomy slovaryu [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymology Dictionary]. Ed.-in-chief: V. I. Tsintsius. Vol. I. Leningrad: Nauka, 1975.
- SSTMY 1977 — Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomy slovaryu [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymology Dictionary]. Ed.-in-chief: V. I. Tsintsius. Vol. II. Leningrad: Nauka, 1977.